

Александр Чацкий

Ошибка коллекционера Патиниоти

Заметки библиофила

То было время дефицита.
Всего не хватало. Книг тоже.
А. Ревич «Так было»

Во времена отсутствия аукционов и Интернета в жизни коллекционера редко встречались большие удачи: такие, как случайная находка замечательного раритета или нахождение коллекции, которую по каким-либо причинам распродает сам коллекционер, а чаще – его наследники. Все зависело от Его Величества Случая.

Так и в моей долгой жизни только трижды случились подобные происшествия. Расскажу о первом, которое произошло 35 лет тому назад.

Полвека назад Одесса была другой, и горожане были другими. Книголюбы-старожилы помнят, что в 60-70-е годы в Одессе кроме специального букинистического магазина, помещавшегося в Круглом доме на Греческой площади, существовали еще букинистические отделы в нескольких книжных магазинах (на 1-й станции Люстдорфской дороги, в районе одесских Черемушек и т. д.).

Вторым по значимости был большой букинистический отдел в книжном магазине на ул. Преображенской (угол ул. Успенской). К сожалению, в настоящее время все они исчезли, а как эти «кладовые разума» украшали жизнь одесситов!

Характерную зарисовку того времени оставил Н.А. Брыгин, основатель Литературного музея, а в то время – оценщик книг в букинистическом магазине: «Воскресенье. От стеклянных две-

рей с табличкой «Закрыто» и далеко за угол вытянулась очередь. Только-только промелькнул первый троллейбус, еще не все дворники вышли на свои посты, а здесь то и дело слышатся хрипловатые со сна голоса: «Граждане, кто последний?», «Я отбегу на минутку, за мной двое, просили разбудить...». Очередь эта не за телевизорами, не за холодильниками и даже не за билетами на столичный ансамбль танца. Люди прервали сон, побросали все воскресные дела, чтобы не пропустить подписку на очередное собрание сочинений».

Его величество случай

И случай, бог изобретатель...

А.С. Пушкин

В конце февраля 1978 года, зайдя в букинистический отдел книжного магазина на ул. Преображенской, я нашел книгу Сергея Маковского «Страницы художественной критики», книга III, 1913 г.

У меня уже была первая книга этого трехтомника. Мелькнула мысль: «А может быть, у сдавшего книгу есть и вторая часть?».

Прошу продавца сообщить мне, прочитав квитанцию, адрес сдавшего книгу. Слышу в ответ: «Нельзя, тайна».

Вернувшись домой и внимательно рассматривая купленную книгу, я задумался над владельческими печатями, стоявшими на обложке, титульном листе и последней странице: в прямоугольнике, украшенном по периметру мелкими полукругами, было написано: «Из книг / Патиниоти / Марино Петровича / Одесса».

«А вдруг я найду эту фамилию в городском телефонном справочнике», – подумал я. Мне повезло: «Патиниоти» в справочнике был, и был только один. Жил он на ул. Короленко, в доме № 15.

С замиранием сердца набрал заветный номер. Мужской голос мне ответил. Когда я объяснил причину звонка, то услышал, что книги в букин он не сдавал, но может быть, это сделала его родственница, и тут же сообщил мне ее адрес. Она жила на Приморской улице. Телефона у нее не было. Оставалось пойти и спросить, что я и сделал.

На мой звонок дверь открыла пожилая женщина. Когда я объяснил причину прихода, то меня пригласили в квартиру. Второго тома Сергея Маковского у хозяйки не было. Зато во второй, почти пустой комнате, я увидел картины, которые сплошным ковром занимали всю стену. У меня глаза разбежались: на стенах висели этюды самых известных одесских художников начала XX века. И все это продавалось!

Ушел я счастливый, унося небольшие этюды художников Нилуса и Головкова (на большее не хватило денег), и несколько каталогов выставок художников в Одессе. Этюд Нилуса был им подписан, этюд Головкова был без подписи, но сотрудники Художественного музея подтвердили авторство Головкова.

Через несколько дней, собрав сумму, близкую к моей месячной зарплате, я снова звонил в заветную дверь. Меня гостеприимно приняли. На этот раз мое внимание привлекла картина, на которой была изображена стена комнаты с окном, за которым было запорошенное снегом дерево. Слева на переднем плане было изображено кресло в белом чехле, за ним – фикус. Справа – небольшая часть рояля с раскрытой клавиатурой. Правее окна на стене висел небольшой этюд.

Но самое главное было в надписи!

На обороте картона карандашом было написано: «Из коллекции / П. след от вытертого слова / П.Э. Патиниоти г. Одесса / 1941 г. худ. М.В. Добужинский».

Кто сейчас не знает этого знаменитого художника?!

Я спросил: «Сколько?». В ответ услышал: «Сто рублей». (Тогда это было чуть больше среднемесячной зарплаты среднего служащего. Ведь не так давно, в 1961 г., была проведена деноминация рубля, и рубль ценился дорого.) Сказав, что за Добужинского это мало, я отдал все, что у меня было, 150 рублей.

Уходя, обратил внимание на несколько десятков пастелей одесского художника Дворникова, которые занимали половину стены комнаты.

Одолжив деньги, через несколько дней я снова звонил вдове Патиниоти. Увы, за эти дни ее посетили два ленинградца (как она объяснила мне), которые купили все пастели Дворникова. Комната была пуста. Никаких картин больше не было...

Своей находкой «Добужинского» я поделился с С.З. Лущиком, известным коллекционером-исследователем, с которым постоянно встречался в секции книголюбов Одесского дома ученых. (Секция существовала с 1968 года, собираясь два раза в месяц. Заседания часто бывали крайне интересными, слушателей собиралось более 100 человек, и заседали тогда в самом большом зале бывшего особняка графа М.Д. Толстого – Зеленом.)

Мое сообщение настолько заинтересовало С. З., что после заседания мы отправились ко мне домой, чтобы исследовать картину.

Внимательно рассматривая обратную сторону этюда, мы обратили внимание на небольшую потемневшую от времени наклейку, расположенную в самом центре. Этикетка размером 4,5×12 см содержала надпись: «Салонъ» / интернациональная – / художественная выставка / организованная / Владимиромъ Издебскимъ».

Слева от надписи была эмблема «Салона» по рисунку художника М. Соломонова.

А над наклейкой, приглядевшись, мы обнаружили слегка вдавленный след от надписи. С трудом мы все же ее прочитали: «Добржинский / Виктор Антонович».

Итак, по-видимому, автором этюда является художник Добржинский.

Через несколько дней С. З. позвонил мне и рассказал, что в каталоге «Салона» В. Издебского он нашел фамилию художника Добржинского, выставившего пять этюдов. Наверное, одним из них и был мой «Добужинский».

Чем руководствовался Петр Эммануилович Патиниоти, когда в 1941 году он вместо фамилии «Добржинский» написал «Добужинский»? Неужели коллекционерским тщеславием, или это просто его ошибка?

Добржинский

Прошли десятилетия, и в 2005 году С.З. Лущик издал свой труд «Одесские «Салоны Издебского» и их создатель» [2], поместив на 40-й странице репродукцию этюда В. Добржинского и этикетку «Салона» с обратной стороны картины, указав в сноске, что она (этикетка) – единственный известный экземпляр.

Евгения Н. Петрова, заместитель директора Русского музея (СПб) пишет:

«Сохранившиеся каталоги («Салонов Издебского». – А. Ч.) не дают возможности с точностью идентифицировать произведения, хранящиеся в нынешних коллекциях, с экспонировавшимися на выставках, организованных Издебским». Поэтому многие иллюстрации в книге сопровождаются словами: «могла экспонироваться».

Этюд В. Добржинского точно был на выставке Издебского в Одессе и других городах (мы знаем об этом благодаря наклейке).

Биографии В.А. Добржинского в интернете нет. Собирая по крупицам сведения о нем, мы вступаем на тропу предположений. Два совпадения: отчества В. А. Д. и редкой фамилии дают возможность предполагать, что его отцом является Антон Францевич Добржинский (1844-1897). Он окончил юрфак Киевского университета. К концу 1868 г. Антон Францевич служит следователем в судах различных инстанций Одесского округа. В начале 80-х годов он занял должность товарища (говоря по-современному, заместителя) прокурора Одесского окружного суда. Предполагаю, что его сын Виктор родился (к тому времени) в Одессе.

Обладая незаурядными способностями, Антон Францевич вел несколько громких дел. В частности, дело террориста-народовольца Г.Д. Гольденберга – убийцы харьковского генерал-губернатора Д.Н. Кропоткина.

А. Ф. сумел обманым путем убедить Гольденберга дать показания, в которых тот описал биографии, личные качества и приметы всех известных ему 143 членов «Народной воли», что позволило развернуть охоту на них. Осознав свою вину перед организацией, Гольденберг покончил с собой.

А. Ф. получает назначение стать товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты.

В феврале 1883 г. он допрашивает знаменитую террористку В. Фигнер. В мае 1896 г. А. Ф. в чине действительного статского советника назначен на должность директора Департамента полиции и занимает эту должность до своей смерти в августе 1897 г.

Где учился его сын Виктор, нам не известно. Возможно, в качестве вольнослушателя он посещает классы Академии художеств в Петербурге.

И все же кое-что об авторе этюда я нашел.

Виктор Антонович Добржинский – знакомый Н.К. Рериха, был близок с Н.А. Римским-Корсаковым, соприкасался с художниками и музыкантами...

В письме к жене с курорта Бад-Ноенар 4 июля 1911 г. Н.К. Рерих писал: «[Миронов] спрашивал мое мнение о Добржинском. Я, чтобы не упрекал он меня в любезности, – изругал его как следует. Он тоже находит, что из него ничего не вышло»...

Виктор Антонович был членом «Нового общества художников» (НОХ) в Петербурге, которое существовало с 1903 по 1917 год. В него, в частности, входили И.И. Бродский, Д.Д. Бурлюк; а также Бакинского художественного общества (с 1913 по 1917 гг.) и с 1913 г. Тифлисского общества художников (как филиала «Внепартийного общества художников», существовавшего в Петербурге с 1912 г.).

На первый «Салон» Издебского В.А. Добржинский дал 5 этюдов, которые были показаны в Одессе, Киеве, Петербурге и Риге.

На второй «Салон» для экспозиции поступило только четыре этюда Добржинского, показанные в Одессе, Николаеве и Херсоне.

Можно предположить, что пятый этюд был продан в Одессе после завершения первого «Салона». Он-то, по-видимому, в 1941 году попал в коллекцию П.Э. Патиниоти, а не проданные этюды были возвращены автору.

Когда поиски в Интернете информации о Викторе Антоновиче Добржинском (ВАД) указали на Петербург, я позвонил в Русский музей искусствоведу Владимиру Федоровичу Круглову (автору статьи «Салоны В.А. Издебского»). Он сообщил, что картин ВАДа в музее нет, и обещал через несколько дней сказать, есть ли какая-либо информация в музее о нем.

Спустя несколько дней разговор продолжился, и единственным фактом, который сообщил В. Ф., было участие ВАДа с 1907 по 1913 г. в выставках «НОХ».

Знакомство ВАДа с Н.К. Рерихом и его кругом и слова Миронова («из него ничего не вышло») означают, по крайней мере, что на первых порах ВАД подавал надежды как художник.

В «Салон» Издебского «просто» кого-нибудь не приглашали: художник должен быть талантлив. Одесситы учились живописи

в Петербурге, Мюнхене, Париже. Возможно, кто-нибудь из них и порекомендовал Камышникову (в СПб) или Издебскому (в Мюнхене или Париже), или ВАДу дать свои работы на выставку Издебскому.

ВАД принимает участие в Бакинских весенних выставках 1913, 1914 годов и Тифлисских выставках с конца 1913 г. ...а потом 1-я мировая, революции...

ВАД мог быть призван в армию (попасть в плен, остаться в Германии, погибнуть), умереть от голода и болезней в 1918-20 годах, наконец, просто эмигрировать из России. Его следов после 1-й мировой войны обнаружить не удалось.

И последнее замечание.

С.З. Лущик противоречит сам себе, когда, с одной стороны, говорит, что В.А. Издебский обладал талантом, вкусом, и, следовательно, на его выставку должны были попасть отборные, талантливые работы, а с другой стороны, пишет, что «в одесских музеях и частных собраниях не найдено ничего, за исключением одного незначительного этюда ВАДа». Насколько этюд ВАДа «незначителен», может судить каждый, кто раскроет книгу С.З. Лущика на 40-й странице, где приведена его репродукция.

Мне кажется, что этот этюд с настроением, много говорит о людях (несмотря на их отсутствие), обитающих в этой комнате. Кроме того, он мастерски исполнен в простой классической манере.

Марин Патиниоти

Жизнь Марина Петровича Патиниоти была бы мне неизвестна, если бы не его «Следственное дело», начатое в Одессе 26 декабря 1944 г. и законченное 3 марта 1945 г.

Преодо мной возникал молодой человек (27 лет) среднего роста (165-170 см), с серыми глазами, высоким лбом. Из-за отсутствия фотоматериалов (в деле нет по этой причине фотографии) лишь приведен словесный портрет: лицо овальное, волосы темно-русые с проседью (это уже в 27 лет!), брови дугообразные, нос большой, тонкий, спинка носа прямая, рот малый, углы рта приподняты, губы толстые, подбородок выступающий раздвоенный с поперечной бороздой, уши большие, шея длинная, заметен зоб.

Были и особые приметы: вставные золотые зубы – передних верхних 5 и два нижних. На нижней губе мало заметен шрам, правая нога короче на 4 см, поперечный шрам на затылке – все это, по-видимому, следы наезда автомашины в сентябре 1935 г.

О своей семье М. П. сообщает следующее: отец Петр Эммануилович родился в Одессе в 1880 г., по национальности грек, не работает из-за инвалидности, пенсионер. Мать Ефросинья Алексеевна родилась в Одессе в 1888 году, русская, домохозяйка.

Родители живут на ул. Приморской в доме № 35, кв. 19. Брат, Виктор Петрович, родился в Одессе в 1919 г., проживает в Воронцовском пер., 6; работает мотористом на судне Совторгфлота.

В 1933 году 16-летний Марин становится студентом Одесского художественного института (в 1934 г. преобразован в училище), окончил 2 курса. В 1935 г. после автомобильного наезда из-за длительного лечения учебу пришлось бросить.

В 1937 году отец, мать, брат, мать отца, сестра отца и Марин были арестованы. «Все мы были арестованы в один день. За что нас арестовали, я не знал», – рассказывал Марин на первом допросе 26 декабря 1944 г.

Мать и бабушку освободили через две недели без суда. В 1938 г. бабушка (1864 г. р.) умерла. Марина и сестру отца решением «тройки» НКВД освободили через полтора месяца. Отец и брат Виктор были освобождены решением «тройки» НКВД после девяти месяцев нахождения под стражей.

С 1938 по 1940 г. Марин работал шлифовщиком и чертежником на одесском заводе им. Ленина. С 1940 г. работал шлифовщиком на заводе «КинАп» до эвакуации завода в 1941 году. Жил Марин (вместе с Т. П.) в годы оккупации Одессы по ул. Короленко (ныне ул. Софиевская), 15, кв. 17, вселившись в квартиру эвакуированных.

В годы оккупации Одессы Марин писал номера к велосипедам, вывески для магазинов, буфетов, ресторанов, парикмахерских.

Его трижды арестовывали (по подозрению: в краже, в том, что он еврей, – и просто немецким патрулем), но после отсидки нескольких дней, недель, его освобождали.

В сентябре 1944 г. он восстанавливается студентом 3 курса художественного училища.

Началу «оперативной разработки» послужил донос на М. П. В «Следственном деле» об этом сказано так: «В Водно-Транспортное районное отделение НКГБ г. Одессы поступили данные о том, что житель г. Одессы М. П., проживая в оккупированной врагом Одессе, установил тесную связь с карательными органами румынских оккупационных властей и последним помогал выявлять лиц, неблагонадежных для оккупационных властей». Начиная с сентября 1944 г. Одесское отделение Госбезопасности начинает опрос свидетелей о «преступной деятельности М. П.» Допросили 10 человек. Некоторые из них начинают разговор об М. П. следующей фразой: «Характеризуется антисоветским настроением к ВКП(б) и советской власти».

26 декабря 1944 г. Марин был арестован на квартире родителей. Его обвинили в связи с карательными оккупационными органами, в том, что он был их информатором. Обвинение просило для Марина 10 лет ИТЛ. 3 марта 1945 года помощник военного прокурора ОдВО капитан юстиции Шпак заключил: «Практическая преступная деятельность М. П. не установлена», – что не помешало ему согласиться с мерой наказания: «10 лет ИТЛ и конфискация личного имущества». 17 сентября 1945 г. М. П. осужден «Особым совещанием» к 4 годам ИТЛ.

Сразу после приговора Татьяна Прокофьевна (жена М. П.) подала апелляцию. Летом 1946 г. в пересмотре дела ей было отказано (пом. воен. прокурора ОдВО майор юстиции Молодык).

В те времена существовала грустная поговорка: «На «нет» суда нет, но есть «особое совещание».

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1989 г., М. П. был реабилитирован.

Я читал допросы «свидетелей» и думал: чем вызваны их слова? Страхом? Злостью? Желанием отомстить? За что – отомстить? Или что-то получить? Страшное было время!

Перечитывая «Следственное дело», я обратил внимание на очную ставку между М. П. и Анной Максимовной Безрученко от 23 февраля 1945 г.

На вопрос следователя об их отношениях М. П. сказал, что отношения были ненормальные, так как:

«– в 1937 г. по ее (и ее мужа) доносу была арестована наша семья (отец, брат и я). Отец был осужден к 3 годам высылки в Архангельскую область, брат Виктор – к 2 годам, а я был освобожден по болезни,

– в 1943 г. А.М. Безрученко написала заявление в полицию о том, что мой отец и я – евреи. Отца допрашивали 4 часа, меня отпустили через двое суток».

Как сложилась жизнь Марина Петровича после его выхода из ГУЛага в 1949 году?

Я взял телефонный справочник «Одесса-1997» и снова нашел телефон Патиниоти (на этот раз он был на Приморской улице). За последние 15 лет вместо шестизначных номеров ввели семизначные. «Справка» дала мне новый номер. Звоню. В ответ слышу молодой женский голос. Рассказываю. Оказывается, телефонную трубку взяла соседка вдовы Марина Петровича (квартира была коммунальной, и Патиниоти принадлежали две из трех комнат).

«Татьяна Патиниоти, вдова М. П., умерла 15 мая 2002 года».

Я опоздал на 10 лет...

Шло время, но мысли о судьбе М. П. меня не покидали. И вот я снова звоню соседям Патиниоти. На этот раз слышу голос пожилого мужчины, который знал жену М. П., начиная с 1975 года. Он сообщил несколько фактов, которые высветили жизнь М. П.

Татьяна Прокофьевна была лет на 10 старше М. П. Ее очень рано родители выдали замуж за офицера, который погиб на войне. От этого брака у Т. П. было два сына (один погиб на войне, другой – подполковник, жил в Москве) и дочь (жила в г. Братске).

По-видимому, жить вместе с М. П. Татьяна Прокофьевна стала в военные годы. Общих детей у них не было. Зарегистрировали они свой брак уже после ареста М. П.

После возвращения из лагеря М. П. работал художником-оформителем, ездил (часто вместе с Т. П.) по Одесской области, оформляя колхозные клубы. Впоследствии работал на одесской ювелирной фабрике.

После смерти отца в декабре 1965 года Марин поначалу декларировал, что продолжает собирать картины, участвовал в выставке живописи из частных собраний в редакции одесской газеты

«Комсомольская искра». Но вскоре стал понемногу продавать отдельные работы из коллекции отца. Умер М. П. в декабре 1977 года.

Коллекция Петра Патиниоти и ее судьба

С.З. Лущик познакомился с П.Э. Патиниоти на выставке «Из частных собраний» в Художественном музее (на ул. Софиевской) в октябре 1958 года. Начал бывать у него, но никаких обменов не совершал. Он свидетельствует:

«Обе комнаты [Патиниоти] были увешаны [картинами] до потолка. Наверху – картины побольше, внизу – небольшие. Каждая самая мелкая работа была любовно оформлена – разноцветные паспарту, аккуратные рамочки, стекла. Много работ еще было в сундуке (на стенах не помещались). Было много книг.

Коллекционировать живопись Петр Эммануилович начал с 1908 года

Старожилы рассказывали, что Петр Эммануилович в 1920-х годах поддерживал отношения с рядом художников, оказывал [им] мелкие услуги – делал рамы, резал стекло. И [взамен] подбирал... этюды и рисунки. Отсюда у него так много работ Волокидина, Дворникова, Бальца и др. Сохранилась его «Регистрационная книга» – каталог картин, этюдов, эскизов, рисунков, которую он вел с 20-х годов. В книге 100 листов; заполнена лишь часть. «Художники – по алфавиту, внутри каждой буквы – хаотичные записи [каталог малограмотный!]. У некоторых картин пометки Патиниоти. Например, «продана Николаевскому музею в 1963 г.», «Подарил Виктору (сыну)», «В сунд[уке]».

«После смерти П. Э. появилось немного пометок его сына Марина типа «Виктор взял» или «продал я». После смерти Марина книга перешла в собрание коллекционера С.И. Орлова. Есть его пометки: «у Орлова С.И.». Вдова Орлова в конце 80-х годов отдала книгу А.М. Тюрюмину, искусствоведу Одесского художественного музея». В 1997 г. книга перешла к С.З. Лущику.

«В книге записано 470 работ. Крупных по размеру работ очень мало. Есть «знаменитые» авторы, многие картины без подписи, авторство многих сомнительно:

Айвазовский – 2, Архипов, Богданов-Бельский – 2, Бурлюк В., Бурлюк Д., Бродский, Верещагин, Вахрушов – 2, Гауш – 3, Ганский – 2, Дубовской, Кузнецов, Куинджи – 2, Лагорио – 3, гр. Муравьев, Маневич, Рубо, Пурвит – 2, Рылов, Судковский – 4, Светославский, Туржанский, Шовкуненко.

Доминируют: Бальц – 37, Волокидин – 33, Власов – 21, Головкин – 9, Дворников – 47, Заузе – 5, Крайнев – 6, Нилус – 14, Пустовойтов – 6, Соколов – 8, Скроцкий – 30, Шварц – 6, Шклявер – 28, Эгиз – 6 (три крупных). Остальные – совсем малоизвестные, а 70 – неизвестные.

Основная масса работ – мелкие этюды или рисунки. Лучшее в коллекции, хоть и мелкие, хоть и «кухня», но все же подлинные этюды Волокидина, Головкина, Дворникова, Нилуса», – записал С.З. Лущик в 1996 году.

И продолжил: «обращает внимание наличие в списке большой группы работ новых молодых художников – В. Власова, О. Соколова, С. Пустовойтова, студента II курса Художественного училища Г.С. Соколовского. Даже в 80 лет [огонь] коллекционирования не угас [в нем]!» (Лущик)

С конца 60-х годов С.З. Лущик «приобрел у Марина десяток-полтора работ из коллекции отца: Шовкуненко – 1, Степан Колесников – 1, Дворников – несколько, Нилус – несколько, Волокидин – несколько».

Около 40 работ из коллекции Патиниоти были проданы сыном, а затем его вдовой коллекционеру С.И. Орлову. После смерти С.И. Орлова они снова были распроданы, в основном, через комиссионный магазин на ул. Дерибасовской.

Летом 1989 г. С.З. Лущик получил от вдовы собирателя С.И. Орлова две работы из коллекции П.Э. Патиниоти: «автопортрет» Шклявера и «портрет Давыдова» (?) Дворникова.

«В рукописный каталог коллекции картин Патиниоти вложено несколько списков книг. Общее число названий – 650-700 книг. В основном, книги издания 1950-х годов: беллетристика, поэзия, история. Старых книг (до 1941 г.) – около 160 названий. Новые – наверно, покупки Марина», – записал С.З. Лущик в 1996 г. и продолжил: «В конце 1970-х годов ко мне попали через третьи руки две книги из собрания Патиниоти:

– А. Федоров «Стихи», СПб, 1908 г. (с дарств. надп. автора К. Костанди)

– «Хроника ж-ла «Мир искусства», 1903 (брак. экз., без № 7).

Ранее, в августе 1966 г., купил у Марина несколько каталогов одесских выставок, в т. ч. «Временный каталог 2-го Салона В. Издебского».

Вдова Марина очень быстро в течение 1978-79 гг. распродала почти все», – писал Лущик в 1980 г.

И в заключение С.З. Лущик рассказывает: «Лет 10 тому назад в Отраде, в альтфатере... нашли груды рисунков старых одесских художников. В городе – сенсация, разговоры...»

2 марта 2008 г. жена «находчика» показала мне эти рисунки... Подозреваю, что они из коллекции Патиниоти, [т. к. среди них] два портрета Марина. [Кроме того], вдову Марина я видел в 1990-х годах несколько раз в Отраде... Говорила, [что] навещает здесь свою то ли сестру, то ли племянницу...»

В Одесском художественном музее хранится полотно художника В. Власова «Портрет П. Патиниоти», 1963 года. Портрет простого человека, сапожника по специальности (сообщено Е.М. Голубовским), чья жизнь была пронизана сильным искренним чувством любви к живописи. Этим он и запомнится одесситам.

В заключение хочется привести слова писателя и библиофила Владимира Лидина, которые верно характеризуют чувства и переживания коллекционера: «Биография любого собирателя была бы неполной, если бы в ней не было событий – иногда смешных и нелепых, иногда грустных, иногда разочаровывавших, а иногда радующих находками, открытиями, а главным образом – ощущением, что спас что-то, чему суждено было погибнуть или затеряться в безвестности».

Сердечно благодарю Лидию Всеволодовну Ковальчук и Лилию Григорьевну Белоусову за помощь в работе, а также Сергея Зеноновича Лущика, который разрешил ознакомиться с его картотекой, посвященной Патиниоти. Благодарю Эдуарда Ивановича Ратушняка, без помощи которого «карточки» С. З. были бы мне неизвестны, и Евгения Голубовского, заставившего меня высянуть, кто такой таинственный Добержинский, чей этюд я приобрел, думая, что это Добужинский.

Литература

1. Н.А. Брыгин. Как хлеб и воздух. – Одесск. кн. изд-во, 1962 г.
2. С.З. Лущик. Одесские «Салоны Издебского» и их создатель. – Од.: «Студия «Негоциант», 352 с.
3. Владимир Издебский и его «Салоны». – Гос. Русский музей, СПб, 2003 г., 84 с.
4. Одесский мартиролог. Т. 1. – Од.: ОКФА, 1997, с. 752.
5. Марин Петрович Патиниоти. – ГАОО, ф. Р-8065, оп. 2, дело № 11778.
6. В. Лидин. Друзья мои – книги. – М.: «Книга», 1966, 352 с.

